

Без тени?

Кто может существовать без тени?

Тань Нин замер, подняв взгляд на удаляющуюся фигуру Ци Юня. В полумраке комнаты невозможно различить, отбрасывает ли тот тень вообще. Впрочем, наличие или отсутствие тени — лишь одна из множества загадок, окутывающих Ци Юня подобно невидимому зонту, отсекающему любопытные взгляды извне. Почему монстры этого места испытывают перед ним такой ужас? Откуда у него свежая еда из столовой? И главное — почему он обладает такой роковой притягательностью?

— Сегодня на обед жареный рис с яйцом, — Ци Юнь поставил перед Тань Нином исходящую паром тарелку. Всего одну.

Словно фокусник, он извлёк из ниоткуда сочный персик:

— А это десерт.

Тань Нин не ожидал увидеть в этой локации свежие фрукты. Персик выглядел идеально спелым — нежно-розовая кожица с алыми прожилками казалась такой тонкой, что, кажется, проткни её пальцем — и брызнет сладкий сок.

— Откуда у тебя персик? — спросил Тань Нин.

— Сохранил, — длинные пальцы Ци Юня скользнули по углублению на верхушке плода. Одним плавным движением он содрал кожицу.

Сок увлажнил подушечки его пальцев. Не меняя бесстрастного выражения лица, Ци Юнь слизнул влагу:

— Сладкий.

Тот же тон, каким он хвалил сладость слёз Тань Нина.

Тань Нин опустил голову, пытаясь отогнать непрошенные воспоминания о прошлой ночи. Он взялся за палочки и принялся за рис. Несмотря на простоту ингредиентов — яйца, колбаса и рис — блюдо получилось удивительно вкусным. Особенно колбаса, часто упоминавшаяся в дневнике. Если подумать, вполне логично — она хорошо хранится.

— Почему ты не ешь? — тихо спросил Тань Нин, наблюдая, как Ци Юнь сосредоточенно очищает персик, обнажая розовато-белую мякоть.

— Я уже поел, — Ци Юнь оторвал последний клочок кожицы и устремил на Тань Нина пристальный взгляд. — Ешь.

Под этим взглядом Тань Нин доел рис и принял очищенный персик. Откусывая маленькими кусочками, он наслаждался сладким соком, заполнявшим рот. Вкус напомнил ему о последнем ужине.

Ци Юнь достал салфетку и бережно стёр следы сока с губ Тань Нина. Затем взял его за руку и повёл в спальню, где задёрнул шторы.

Тань Нин не понимал, чего хочет Ци Юнь. В глазах плескалась плохо скрываемая тревога — совсем как у бездомного котёнка, которого впервые привели в новый дом. Даже просто находиться под взглядом нового хозяина требовало всех его сил, чтобы не дрожать и не выпускать когти.

Только в минуты крайнего голода или опасности такой котёнок осмелится робко прильнуть к хозяину, мяукнуть для приличия, готовый в любой момент броситься наутёк.

Но его красота и хрупкость делали даже эти редкие проблески доверия завораживающими.

Ци Юнь направился к Тань Нину.

Сидящий на краю кровати Тань Нин нервно отодвинулся в самый угол, всем видом показывая желание сохранить дистанцию. Но Ци Юнь намеренно сел вплотную, наслаждаясь напряжением, сковавшим тело собеседника.

Их плечи соприкоснулись, ноги тоже. Даже сквозь ткань одежды Ци Юнь представлял нежно-розовый оттенок кожи под ней.

Мочки ушей Тань Нина окрасились в едва заметный розовый.

Интересно, как он вздрогнет, если подуть на них горячим дыханием?

— Ты ведь хотел узнать, почему тебя травят? — негромко произнёс Ци Юнь.

Тань Нин поспешно кивнул.

Ци Юнь достал телефон и включил видео, расположив экран между ними. Тань Нину пришлось придвинуться ближе, чтобы видеть.

Запись началась с невнятного гула голосов. Дрожащая камера скользила по грязному полу, облупленным стенам, тёмному потолку, пока наконец не пробилась сквозь толпу спин, выхватив заплаканное лицо.

В момент фокусировки казалось, будто весь кадр озарился светом.

Окружённый людьми юноша промок насквозь, словно его только что окатили водой. Намокшая белая рубашка очерчивала тонкую талию, с волос и ресниц капала вода — точно розовый бутон, распустившийся под проливным дождём.

— Замёрз? — спросил кто-то.

Юноша растерянно приоткрыл рот, но дрожащие губы не смогли произнести ни слова.

— Что ж ты так раскис от холодного душа?

— А чего в одежде мылся?

— Дайте ему сигарету, пусть согреется.

Вокруг раздался злорадный смех. К губам юноши поднесли зажжённую сигарету.

Тань Нин не мог оторвать взгляд от своего двойника на экране, от его промокшей насквозь фигуры. Память услужливо подбросила воспоминания о первой локации — той грозовой ночи, когда он бежал из особняка.

Он почти физически ощутил, как по волосам, подбородку, краям одежды стекают невидимые капли. Знакомое чувство холода и беспомощности заставило его задрожать.

"Тань Нин" на видео помотал головой, пытаясь оттолкнуть сигарету. Его запястье перехватили, и кто-то нетерпеливо впихнул сигарету ему в рот.

Запястье нынешнего Тань Нина заняло фантомной болью — слишком свежи были воспоминания о том, как вчера его точно так же удерживали чужие руки.

Камера медленно приближалась, пока не стали различимы все выражения лиц. Когда "Тань Нин" закашлялся от дыма, смех вокруг него уже стих.

Злорадные ухмылки сменились каким-то оцепенелым восхищением.

В клубах белёсого дыма "Тань Нин" казался хрупким, как утренний туман, нереально красивым. Парень, стоящий ближе всех, шумно втянул воздух, словно пытаясь уловить запах дыма из его лёгких.

В его глазах читалось плохо скрываемое влечение.

"Тань Нин" всё ещё кашлял. Наполовину выкуренная сигарета выпала из его рта, и парень мгновенно её подхватил — точно пёс, ухвативший лакомую кость. Жадно затягиваясь, он смаковал окурок, словно величайший деликатес, и выдыхал дым прямо в растерянное лицо юноши.

— Они одержимы тобой, — голос Ци Юня звучал холодно и отчётливо. — Но влечение к своему полу в те времена считалось преступлением.

— Они не хотели признавать свою вину.

— Поэтому решили осквернить эту красоту.

Каждое слово падало тяжело, как приговор, вырывая Тань Нина из омута воспоминаний о видео и дневнике. Вдруг голос Ци Юня смягчился:

— Ты никогда не был виноват.

— С тобой всё в полном порядке.

Ци Юнь бережно взял лицо Тань Нина в ладони:

— Ты и есть воплощение прекрасного.

"Будь я настоящим Тань Нином, такие слова наверняка заставили бы меня окончательно потерять голову", — промелькнула мысль, пока он смотрел в глубокие, с поволокой глаза Ци Юня.

Но он всего лишь игрок извне.

И сейчас его волновало другое.

Тань Нин вытянул руку и указал на несколько лиц в видео:

— Они кажутся знакомыми. Похожи на ребят из нашего класса.

— Сюй Юньси и Ся Юнь, твои одноклассники. Неужели не помнишь?

— Но разве они не мертвы? — один разбился, упав с лестницы и ударившись головой о стену, другому вилкой пронзили горло.

В дневнике всё описано предельно ясно — как же они до сих пор ходят с ним на уроки?!

Ци Юнь рассмеялся:

— Разве ты не догадался ещё тогда?

— В этом мире мёртвые возвращаются...

Возвращаются, чтобы излить свою глубочайшую злобу на тех, кто всё ещё жив.

— Всё скоро закончится. Пора на урок, — Ци Юнь выключил телефон с такой будничной лёгкостью, словно объявлял конец игры.

Необъяснимая тревога захлестнула Тань Нина.

Но Ци Юнь больше ничего не добавил.

Прижимая к груди дневник, Тань Нин спустился с ним к выходу из общежития и приготовился ждать, пока тот достанет зонт. Но Ци Юнь, похоже, не собирался этого делать.

— Твой зонт... — неуверенно напомнил Тань Нин.

Спокойный, всепроницающий взгляд остановился на его лице.

— Когда то, что хотел скрыть, уже раскрыто, нет смысла прятаться под зонтом, — многозначительно произнёс Ци Юнь.

С этими словами он невозмутимо шагнул под солнечные лучи. Тань Нин замер — у Ци Юня не было тени.

[Система: Похоже, Ци Юнь окончательно перестал притворяться?]

Тань Нин смотрел на него с ужасом, словно на бомбу с тикающим часовым механизмом.

[Система: Очевидно, да.]

Несмотря на яркое солнце, пальцы Тань Нина леденели. Он не знал, что задумал Ци Юнь, но чувствовал затаившуюся опасность, готовую вот-вот вырваться наружу.

— Идём, — Ци Юнь взял Тань Нина за руку, переплетая их пальцы, и повёл через притихший кампус.

Они миновали аллею цветущей глицинии, стены, увитые плющом, искрящееся на солнце озеро, и вошли в мрачное, обветшалое здание учебного корпуса.

Как и утром, Ци Юнь проводил Тань Нина до дверей класса. Все подняли головы, впившись в него взглядами. Зазвенел звонок, и Ци Юнь, погладив Тань Нина по голове, улыбнулся:

— Заходи.

Губы учеников искривились в жутковатых ухмылках, их взгляды следили за каждым его движением.

Под перекрёстным огнём этих странных взглядов Тань Нин одеревенело добрался до своего места. Гу Мин, хмуро оглядывающий класс, тут же протянул ему записку: "Я нашёл ещё трупы. У нас с Чжоу Чуанем страшное подозрение — похоже, все NPC в школе мертвы!"

Тань Нин с трудом вывел ответ: "Насколько мне известно, некоторые в нашем классе действительно мертвы".

Гу Мин придвинулся ближе:

— Кто именно?

Тань Нин осторожно осмотрелся и заметил сидящего на своём месте Сюй Юньси. Он уже хотел указать на него, как вдруг увидел, что тот, как и остальные, не сводит с него пристального взгляда. Рука Сюй Юньси что-то нащупывала в кармане — он достал зажигалку, ту самую, из видео.

Но в другой руке была не сигарета, а тетрадь с домашним заданием.

Под остекленевшим взглядом Тань Нина Сюй Юньси поджёг тетрадь и, ухмыляясь, швырнул пылающие листы к занавескам. Жадные языки пламени мгновенно охватили ткань.

Весь класс разразился хохотом.

Картина напоминала последние дни перед выпускными экзаменами, когда старшеклассники собирают все ненужные конспекты в одну кучу, швыряя в воздух годы зубрёжки и светлой юности...

Только сейчас бесчисленные тетради летели в бушующее пламя.

Огонь взметнулся ослепительным столпом, пожирая кружащиеся в воздухе листы. Дым заполнил помещение, а разрастающееся пламя, сбросив путы занавесок, рванулось наружу!

В расширенных глазах Тань Нина отражались клубы чёрного дыма и всполохи огня. Откуда-то донёсся голос учителя математики, только что вошедшего в класс:

— Ребята! Звонок уже прозвенел! Все внимательно слушаем урок!

— Твою мать! Это смертельная ловушка, как вчера! — Гу Мин вскочил, хватая Тань Нина за руку. — Бежим!

— Тань Нин! Гу Мин! Чжоу Чуань! — взревел учитель. — Куда это вы?! А урок?!

Со всех сторон потянулись руки, вцепляясь в одежду и конечности Тань Нина. Они смеялись:

— Что, урок прогуливаем?

Всепожиряющее пламя плясало по классу, отражаясь в чёрных глазах каждого, словно демон-властитель стремился превратить всех в живой факел.

Гу Мин отчаянно отдирает руки, вцепившиеся в одежду Тань Нина. Но с одной рукой это получалось слишком медленно. Его взгляд налился яростью — он резко ударил коленом в живот NPC, не желавшего отпустить Тань Нина.

Опершись единственной рукой о парту, он взвился в воздух, яростно отбрасывая ногами прилипших к Тань Нину NPC.

Те падали как манекены, но тут же вскакивали, впиваясь в беглецов жадными, злобными взглядами.

— Чжоу Чуань! Дверь! — крикнул Гу Мин товарищу, добравшемуся до заднего выхода.

У задней двери сгрудились NPC, образовав живую стену. Чжоу Чуань врезался в их ряды — карта Охотника наделила его нечеловеческой силой. Словно голодный тигр, он пробивался сквозь толпу. За спиной ревело пламя, и в его крови закипала такая же яростная жажда боя. Собрав все силы, он прорвал окружение и в последний момент, когда огонь уже настигал их, вышиб дверь!

Гу Мин вытащил Тань Нина следом.

— За прогулы полагается наказание! Вы нарушили правила! — учитель математики размахивал горячей линейкой, захлёбываясь яростью.

Тань Нин обернулся на пороге. В море огня стояли его одноклассники с искажёнными улыбками. Их голоса слились в один:

— Вы нарушили правила! Вас нужно наказать!

Пламя взбежало по их жутким ухмылкам, пожирая плоть, и хлынуло из дверного проёма.

Гу Мин рванул Тань Нина к концу коридора!

Горячий вихрь пронёсся мимо — огонь перекидывался из кабинета в кабинет как прилив. Бесконечный поток тетрадей вылетал из окон, а пламя в этом бумажном водовороте словно обрело разум, извиваясь гигантской змеей и настигая беглецов.

Задыхаясь на бегу, Тань Нин увидел знакомую картину — в конце коридора появился Ци Юнь.

В бушующем пламени и Ци Юнь, и Гу Мин протянули к нему руки.

Появление Ци Юня заставило всех замереть.

Даже бурлящий огонь будто застыл на мгновение.

Гу Мин и Чжоу Чуань настороженно следили за Ци Юнем, но тот даже не удостоил взглядом этих перепачканных сажей людей. Он двигался с изящной грацией, шаг за шагом приближаясь к Тань Нину. Его безупречно чистая рука замерла перед лицом юноши.

— На этот раз пойдём со мной, — произнёс Ци Юнь с безупречной учтивостью.

Точно джентльмен, приглашающий возлюбленную на бал.

[Система: Карта Дровосека, условие 2: неверный выбор — смерть от топора]

Тань Нин стоял между Ци Юнем и Гу Мином. Он поднял взгляд на Ци Юня:

— Мы нарушили правила школы, верно?

Ци Юнь кивнул.

— И скоро умрём, да?

Отблески пламени плясали в чёрных глазах Ци Юня, словно адский огонь в ледяной бездне.

— Ты — нет.

Что значит "я — нет"?

Тань Нин растерянно посмотрел на Гу Мина и Чжоу Чуаня:

— Они умрут?

Ци Юнь кивнул.

Гу Мин вздрогнул от этих слов. Взглянул на свою руку, всё ещё крепко державшую ладонь Тань Нина, помолчал и медленно разжал пальцы.

— Ты можешь их спасти? — Тань Нин взмолился, как прошлой ночью. Его товарищи не бросили его, а отчаянно вытаскивали из огня. Он не мог их предать.

В красивых глазах мерцала надежда, пока он ждал ответа Ци Юня.

— Прости, но правила неумолимы. Их нельзя нарушить, — безжалостно отрезал тот.

Тань Нин застыл.

Последняя искра надежды угасла, но что-то всё ещё не давало ему покоя.

В карточной игре не бывает безвыходных ситуаций! Должен быть способ!

И почему правила можно нарушить ради меня, но не ради моих друзей?

Сомнения роились в голове. Тань Нин посмотрел на стоящего рядом Ци Юня и наконец задал вопрос, который давно его мучил:

— Почему ты так добр ко мне? Зачем всё это?

Ведь мне нечего тебе дать.

Неужели Ци Юнь и правда тот принц из карт? Но разве может принц носить личину демона?

Ответ оказался неожиданным:

— Я люблю тебя. И хочу, чтобы ты полюбил меня в ответ.

Тань Нин нервно усмехнулся:

— Что?

Ци Юнь молчал.

В памяти всплыло предупреждение Гу Мина: "Чем сильнее монстр любит тебя, тем отчаяннее желает удержать в этом мире навсегда. Игрок покинет локацию по истечении срока, но мёртвый игрок останется!"

Тань Нин встретился взглядом с Ци Юнем:

— Последний вопрос. Если я не полюблю тебя, ты попытаешься удержать меня здесь навечно?

Ци Юнь снова кивнул.

— Почему? — голос Тань Нина охрип, а сердце медленно погружалось во тьму.

— Потому что я так одинок, — взгляд Ци Юня скользнул мимо Тань Нина к бушующему морю огня, извергающему свет и жар. Чёрный дым заполнял здание, словно весь мир погружался в этот ужасающий апокалипсис.

— Здесь всё разрушается — люди, еда, всё, — он видел, как огонь пожирает растения, высушивает реки, раскаляет арматуру докрасна. Видел, как трескается земля, рушатся здания, распадается порядок. Видел, как озёра выходят из берегов, как плавают мебель, как гниёт рыба.

— Но когда цикл завершается, всё возвращается, нетронутое, — трупы всё ещё грудой лежат на месте, но мертвецы снова сидят за партами, а календарь отсчитывает дни до экзаменов.

— Я здесь так давно... Ты единственный, кем я не могу насытиться, — блуждающий взгляд вернулся к лицу Тань Нина, и в этот момент глаза Ци Юня стали невероятно нежными, словно тающий лёд.

— Я люблю тебя.

Тань Нин молча выслушал признание. Глядя на прекрасное лицо Ци Юня и его страстный взгляд, он вдруг увидел перед собой совсем другое лицо. Тихо произнёс:

— Но твои чувства — не та любовь, которую я ищу.

— Настоящая любовь не такая.

— Когда-то один человек сказал, что любит меня. Сначала я не верил, пока он ради меня не вошёл в мир вечного одиночества, — Тань Нин отступил на шаг. — Прости, но я не могу полюбить тебя.

— Потому что я уже люблю его.

Даже если отказ Ци Юню означал смерть, Тань Нин не хотел существовать в этом мире живым мертвецом.

Он ненавидел здесь всё: комендантшу, стучащую по ночам, гнилую еду в столовой, которую не спасали даже специи, горящие классы.

Ненавидел Ци Юня.

И ещё больше ненавидел себя — за то, что цеплялся за него в попытках спастись.

К этому моменту игры он действительно устал. Возможно, смерть станет избавлением.

Глаза Тань Нина затуманились, но впервые с начала игры он искренне улыбнулся Ци Юню.

Улыбнулся как счастливая птица.

Расправил хрупкие крылья, вырвавшись из золотой клетки, и полетел навстречу пылающему лесу.

С этой улыбкой на лице, с дрожащими ресницами, из затуманенных глаз скатилась слеза.

Тань Нин закрыл лицо руками. Он думал, что сможет храбро встретить смерть, но всё равно расплакался.

Ци Юнь замер, глядя на него. Его брови сдвинулись, в глазах мелькнуло непонимание и боль — сначала едва заметная, но затем, как трещина на стекле, она стремительно разрасталась, грозя разрушить его невозмутимую маску.

"Когда-то один человек сказал, что любит меня..."

Протянутая к Тань Нину рука сжалась в кулак и метнулась к виску. Ци Юнь опустил голову, его лицо исказилось от боли.

"Он ради меня вошёл в мир вечного одиночества..."

Ци Юнь стиснул зубы, хватаясь за пульсирующую голову. Бесконечная волна боли накрыла его, лицо побелело как бумага.

Тань Нин не заметил этого. Он повернулся к Гу Мину, стараясь говорить бодро:

— Знаешь, как называлась моя первая дорама?

Малоизвестная веб-драма, о которой почти никто не слышал. Настоящий фанат должен знать.

— "Красивый неудачник", — без колебаний ответил Гу Мин.

— Когда у меня день рождения?

— Девятнадцатое сентября.

— Что я больше всего люблю делать в свободное время?

— Играть в игры и есть сладости.

— Как зовут моего кота?

— Счастливчик.

— Последний вопрос: почему ты стал моим преданным фанатом?

— Привлекла внешность, осталась личность.

Тань Нин схватил Гу Мина за руку:

— Фанат, беги со мной. Вырвемся из этого безумного, прогнившего мира.

<http://bllate.org/book/14673/1303933>